
ПОЭТИКА

В. Д. Денисов¹

*Российский государственный гидрометеорологический
университет*

ТАРАС БУЛЬБА: ГЕРОЙ-КОЗАК И ЕГО ВРЕМЯ²

(завершение цикла статей в № 1-3)

Статья посвящена исследованию специфики художественного времени в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» (1835) и персонажей в их историческом бытии. Выявлены принципы моделирования персонажей: прототипичность, с одной стороны, и многообразные аллюзии на библейские сюжеты, готические произведения, исторические хроники, фольклорные легенды. Показано, что «героя эпохи» создает *противоречивое единство* азиатского и европейского, христианского и языческого, мужского и женского, его «разнополюсные» и личностные, и типологические черты. Но сама разнородность тех же «начал», чьим единством создано Козачество, предполагает возможность их *распада* или *взаимоуничтожения*.

Ключевые слова: творчество Н.В. Гоголя, сборник «Миргород» (1835), повесть «Тарас Бульба», история Малой России, Козачество.

¹ Владимир Дмитриевич Денисов, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного гидрометеорологического университета (РГГМУ, Санкт-Петербург).

² Здесь и далее в слове *козак* и производных от него (у Гоголя они обозначали воинское единство, которое сложилось в особых исторических условиях и стало основой народа) сохранено написание черновых редакций – в отличие от подцензурных наименований того времени: *казак* и подобных.

V.D. Denisov

Russian state hydrometeorological University

TARAS BULBA: HERO-COSSACK AND HIS TIME

(the completion of the cycle of articles in Nos. 1-3)

The article is devoted to the features of the characterization of time and images of heroes in the novel “Taras Bulba” (1835). The principles of modeling characters such as prototypology, on the one hand, and different allusions to the Bible plots, Gothic works, historical chronicles, folklore legends are revealed. It is shown that “the hero of the epoch” is created by a contradictory unity of Asian and European, Christian and pagan, masculine and feminine, personal and typical features belonging to different poles. But the very diversity of those characteristics that created the Cossacks presupposes the possibility of their decay or reciprocal destruction.

Keywords: Gogol’s creativity, the collection of “Mirgorod” (1835), the novel “Taras Bulba”, the story of the Little Russia, Cossacks.

Люди и время – это формула обитаемого мира. Время создает человеческий возраст, со временем люди делают историю. И писатель, отважившийся на историческое повествование, должен показать не только «героя времени», но и динамику изменения его и окружающего мира, наделив их историческими подробностями, обстоятельствами, мелочами. Без этого читатель не поверит тексту, хотя вряд ли точно и подробно знает изображенную эпоху и жизнь ее деятелей, но скорее склонен простить явные анахронизмы, чем ошибки в развитии действия и нарушение «правды характера». Поэтому автор, «вписывая» героя в обобщенную картину эпохи, может наделить его характерными чертами различных деятелей того времени и, вместе с тем, дать разноречивые временные указания о его действиях (только в рамках данной эпохи). Именно это присуще романтической повести Гоголя, где «герой времени» предстает Героем эпохи национального освобождения, чьи события – несмотря на различные хронологические привязки – так или иначе соотносятся с восстанием Богдана Хмельницкого (Хмельнитчиной 1648-1654 годов).

Итак, Бульба стал полковником, «когда Баторий устроил полки в Малороссии» в конце 1570-х годов, а само время действия в

повести приурочено к рубежу веков, «когда еще только что начинала рождаться мысль об унии» [Гоголь, 1937-1952, т. II, с. 281, 283]¹, – это 1590-е годы, когда в течение нескольких месяцев произошли основные события. Но если Тарасу тогда «было шестьдесят лет» (II, с. 333), то, чтобы в дальнейшем принять участия в восстании Остраницы 1637-1638 годов, он должен прожить больше **100 лет**. Кроме того, читатель помнит предшествующее определение героя как «одного из тех характеров, которые могли только возникнуть в грубый XV век...» (II, с. 284), и хотя, согласно комментарию И.Я. Айзенштока, «указание на *возникновение* характеров, подобных Бульбе в XV веке, еще не означает датировки действия XV веком» (II, с. 717), всё же героя нельзя отделять от его характера (в черновой ред. всё действие было датировано **XV** в.). И потому напрашивается вывод, что Бульба вроде бы живет в трех веках²! Но может ли такое быть, когда время действия в повести принципиально ограничено жизнью заглавного героя?

Каждое художественное произведение обладает особым пространственно-временным континуумом, соотношенным со структурой художественных образов. Мы уже отмечали, что имя и прозвище Тараса Бульбы представляют противоречивое сочетание мужского и женского, материального и духовного: «мятежный» по духу Тарас и «земная, плотная» бульба – ‘земляная груша’ (в черновом варианте *земное* и *женское* соединялось грубее, но отчетливее прозвищем Кульбаба – укр. ‘одуванчик’). Такое сочетание напоминало о древнегерманском языческом двуполом божестве, рожденном Матерью-Землей и породившем первого человека Мана, – Тевте (о нем Гоголь писал в статье, посвященной переселению народов в V веке). Отсюда и «двадцатипудовый» вес

¹ Далее цит. по этому изд., указывая в круглых скобках после цитаты том – римской цифрой, страницу – арабской.

² Украинский профессор В.Я. Звизняцковский предпочитает принципиально «не замечать» 60-летия героя, доказывая, что тот *реально* мог бы дожить до восстания Остраницы [Звизняцковский, 2009, с. 302-303], и только этим(!) опровергает предположения о мифологическом времени повести.

Бульбы, его «самодостаточность», жизнь в *трех* веках, и такие «звериные», близкие к дьявольским проявления, как «ярость тигра», «гнев вепря» (то есть жестокость, свирепость, не свойственную человеку), и демонический «сверкающий взгляд» при убийстве Андрия, и безмерную, похожую на «звериную», родительскую любовь, и материнскую заботу о наряде и настрое сыновей [Денисов, 2017, с. 37-38], и архетипические для Козака ненависть к «ляхам», неистовство и строптивость, и преданность Вере и товарищам [Мелетинский, 1994, с. 25-26, 78]. То есть, основу образа такого «героя эпохи» создает *противоречивое единство* азиатского и европейского, христианского и языческого, мужского и женского, его «разнополюсные» и личностные, и типологические черты. Но сама разнородность тех же «начал», чьим единством создано Козачество, предполагает возможность их *распада* или *взаимоуничтожения*.

Мотивы воинской службы Бульбы и его сыновей, испытания его веры, потери сыновей, религиозного противостояния и мученической смерти за Веру перекликаются с житием св. Евстафия. Гибель сыновей и отца вызывает и многоплановые аллюзии: от античного эпоса до фольклора, от библейского сюжета из Книги Бытия до Евангелия, от известных публике «готических» произведений, «неистой словесности» и русской исторической прозы того времени – до исторической хроники, народных рассказов и литературных произведений о судьбе легендарных украинских гетманов (в первую очередь – Хмельницкого и Мазепы) и полководцев. Но вряд ли можно при этом говорить о прямом «включении» сюда аллюзий, соответствовавших времени упомянутых образов.

Литературными прототипами Бульбы были полковник Глечик в «Главе из исторического романа» (1831) и Тарас Острица в «Главах исторической повести» – Герой «от Бога» (см. об этом подробнее: [Денисов, 2016, с. 45]). А явно связанный с ними сюжет исторического романа «Гетьман» основывался на изображении Полтавщины и *миргородского полковника* со шрамом на лице – вероятно, будущего гетмана, – как в отрывке <“Мне нужно видеть полковника”>. Это направление поиска приводит к образу легендарного козацкого атамана Даниила Апостола (1654–1734),

сына одного из первых *миргородских полковников*. В 14 лет его, как гласит преданье, козаки избрали полковником по смерти отца. Видимо, он учился в Киево-Могилянской коллегии, затем воевал со славой – отважный, прямодушный воин, любимый товарищами, – потерял в сражении глаз, и лицо его навсегда исказил шрам. Известна его неприхотливость, приверженность простой козацкой жизни на хуторе, которой он не изменил и став гетманом в 1727 г. (последним гетманом, выбранным козацкой радой). Гетманщина при Апостоле укрепилась, обрела больше самостоятельности. И потому запорожцы, ушедшие с Мазепой к шведам, а затем в Крымское ханство, возвратились весной 1734 г. под власть Российской империи. Но уже не при гетмане: он умер в январе и был похоронен в Спасо-Преображенской церкви с. Сорочинцы Миргородского повета – в храме, где через 75 лет крестили Н. Гоголя.

Столетие смерти Апостола в 1834 г. трагически совпало со смертью 3 июня его потомка – князя В.П. Кочубея, одного из самых доверенных и влиятельных лиц при Александре I и Николае I. По отцу князь был правнуком генерального судьи В.Л. Кочубея, казненного Мазепой, а по матери приходился правнуком Апостолу и племянником А.А. Безбородко (1747–1799), секретарю Екатерины II, который готовил его для высоких государственных постов (потом племянник будет способствовать тому, чтобы имя А.А. Безбородко увековечила Нежинская гимназия высших наук). Кочубеи были в родстве с казненным полтавским полковником Искрой-Остриянином, потомком гетмана Острияницы, и получили его земли по смерти наследников Искры [Денисов, 2016, с. 44]. В переписке с В.П. Кочубеем находился Д.П. Трощинский (1754–1829), обязанный А.А. Безбородко своим возвышением¹. Николай I назначил В.П. Кочубея председателем Государственного совета и Комитета министров. В 1831 г. тот получил титул князя, в 1834 г. стал канцлером (министром внутренних дел с особыми полномочиями) и,

¹ И сам Д.П. Трощинский – вельможный родственник и благодетель семейства Гоголей – тоже «мог дать Гоголю... ряд черт к образу Тараса Бульбы» [Виноградов, 2009, с. 622].

направляясь на отдых в свое образцовое имение Диканька, внезапно умер в Москве.

Конечно, нельзя считать Д. Апостола (да и любого другого исторического деятеля!) прототипом Бульбы, хотя очевидно, что характерные черты гетмана, его жизни отражены в образах и литературных предшественников Тараса, и его самого, как и в окружающем их историко-бытовом фоне. Точно не известно, были ли знакомы Гоголь и В.П. Кочубей, но, вероятно, были. Особняк Кочубея на набережной реки Фонтанки, как и другие аристократические дома, был открыт для посещений, в нем устраивали балы. Там жила и Н.К. Загряжская (1747–1837), дочь последнего малороссийского гетмана К.Г. Разумовского, воспитавшая жену Кочубея, а по мужу приходившаяся теткой Н.Н. Гончаровой. Пушкин, после своей женитьбы в 1831 г., отдавая родственные визиты, посещал Наталью Кирилловну, любил с ней поговорить, записывал ее воспоминания. Вряд ли, при тесных творческих отношениях с Гоголем, зная о его занятиях историей Малороссии, поэт не представил его Загряжской и Кочубеям, для которых тот был не только земляком-автором, прославившим «их Диканьку», но и соседом по имению, родственником Трощинских, выпускником Нежинской гимназии. А женой Кочубея была племянница и воспитанница Загряжской, урожденная Васильчикова (как известно, Гоголь некоторое время был учителем слабоумного сына Васильчиковых). Тогда же, в начале 1830-х годов, портрет Кочубея в его кабинете писал художник А.Г. Венецианов, близко знавший Гоголя. Не будем также забывать о неоднократно отмеченной заинтересованности писателя в знакомстве с «сильными мира сего», что вполне объяснимо господствовавшими нравами: тогда высокое покровительство позволяло достигнуть многого.

Так, гоголевские «малорусские» статьи удивительно вовремя появились в Журнале Министерства народного просвещения (1834. № 4. С. 1-26), зависимом от Кочубея. Гоголь вполне мог рассчитывать на его поддержку в своих планах преподавать историю в первом Киевском университете, в замыслах поэтические запечатлеть прошлое своей родины, ее исторических деятелей, в том числе предков Кочубея, – и, видимо, какие-то их общеизвестные черты

придал художественным образам в своих исторических произведениях того времени. И случайно ли Гоголю отказали от уже обещанного места профессора истории Киевского университета **сразу** после смерти всесильного Кочубея?

Время от времени в образе Бульбы также обнаруживают черты вождей Козачества XVII в.: Тараса Федоровича, Конашевича-Сагайдачного, Палея, Самуся... – Ведь Гоголь, создавая образ атамана, штудировал материалы по истории Малороссии, «погружаясь» в летописи, легенды, козацкие песни. Понятно и стремление исследователей найти для этого мощного, целостного образа такой же единый, «высокий», исторически достоверный прототип, в идеале – родственник писателю... Но когда П.А. Кулиш указал на козацкого полковника Евстафия Гоголя, ставшего гетманом Правобережья, последовало опровержение М.А. Максимовича, который сослался на то, что было ему известно от самого писателя. Позднее А.М. Лазаревский обратил внимание на неувязки версии А.Д. Гоголя-Яновского о происхождении их рода от Е. Гоголя (именуемого Андреем) и возведении того в шляхтичи королем Яном II Казимиром во времена Яна Собеского [Лазаревский, 1902, с. 8]. Далее исследователи жизни и творчества Гоголя старались освещать эту тему осторожно и деликатно¹. Однако в начале XXI в. украинский историк Т.В. Чухлиб вновь стал настаивать на версии П.А. Кулиша (отвергнув точку зрения Максимовича и многих ученых-гоголеведов) и объявил Е. Гоголя *единственным прототипом* Тараса Бульбы – явно вслед некоторым западным изысканиям².

Историк пишет, что можно найти «много аналогий между жизнью исторического Остапа Гоголя и литературного Тараса Бульбы. И тот, и другой были полковниками Войска Запорожского. Имели двух сыновей примерно одного возраста» (здесь и далее цит.

¹ Обзор генеалогических сведений и противоречий в них представлен в изд.: [Манн, 1994, с. 12-19]. См. об этом также в сборнике российских и украинских статей: [Родословие Гоголя].

² См., например: [Stilman], где национальность обозначена транслитерацией (Gogol = Hohol).

по изд.: [Чухлиб, 2002]¹). Правда, сыновья О. Гоголя «учились в высшем учебном заведении во Львове», а не в Киеве, но есть и прямая аналогия с судьбой сыновей Бульбы: «один из них (тоже старший) гибнет в 1671 году от рук жолнеров при обороне Могилева, а второй вскоре, в 1674 году, переходит на сторону поляков, убивших его брата. Убегая от польской погони из Могилева, во время переправы через Днестр старый подольский полковник Остап едва не погиб» (параллель с бегством от «ляхов» Тараса Бульбы очевидна). Все это и позволяет историку заявить, что прототипом Бульбы «был не кто иной, как далекий родственник Николая Гоголя», – Евстафий / Остап Гоголь, сподвижник Б. Хмельницкого, И. Выговского, П. Дорошенко, гетман Правобережной Украины в 1675–1678 годах, который родился в начале XVII в. в небольшом подольском селе Гоголи, «основанном православным шляхтичем с Волыни Никитой Гоголем», то есть **стал Гоголем** или по своему «шляхетному» рождению, или по названию родного селения (также не исключено, что он мог просто получить или унаследовать «птичье» прозвище).

Первое достоверное упоминание О. Гоголя относится ко времени, когда он служил ротмистром «панцерных» козаков польского войска в Умани перед 1648 г. Затем, после Хмельниччины, он стал командовать Подольским (Могилевским) полком. Чухлиб особо отмечает его участие в пресловутой битве с «московитами под Конотопом» в 1659 г., когда козацкое войско одержало победу. Но даже если так оно и было, это лишь доказывает, как, в своем стремлении к независимости, козаки могли сражаться против кого угодно, иногда не различая друзей и врагов. В то же время эпизод, когда Гоголь в феврале 1660 г. упорно защищал г. Могилев от 18 000 поляков и примкнувших к ним татар, никак не комментируется. Дальнейшие подвиги Е. Гоголя под турецким и польским начальством разительно не соответствуют поведению гоголевского героя (хотя, согласимся здесь с Т. Чухлибом, оба они были полковниками): ведь Тарас Бульба НЕ ИЗМЕНЯЕТ ни родине, ни

¹ Подзаголовок публикации «К 260-ЛЕТИЮ НАПИСАНИЯ ПОВЕСТИ Н. ГОГОЛЯ “ТАРАС БУЛЬБА”» говорит о том, что повесть была написана в 1742 г. и, даже если это опечатка, автор не подозревает о появлении 1-й редакции повести в 1835 г.

товариществу, ни Вере, не держит руку султана, короля или хана, а казнит изменившего сына и отдает жизнь за Веру¹.

Пока что, при всех возможностях, да и желании исследователей, им не удалось обнаружить *документов*, что прадед Гоголя священник Демьян Иванович Яновский был сыном Яна, внука гетмана Гоголя. И «по сути дела, никаких достоверных доказательств столь чудесного превращения не существует... Впрочем, в генеалогии многих знаменитых украинских (и только ли украинских?) родов немало подобных чудес. В случае же с автором “Тараса Бульбы” вопрос его веры в предка-гетмана намного важнее вопроса о “подлинной” генеалогии» [Звизняцьковский, 2008, с. 455-456; цит. перевод автора]. – Добавим: «Героическая родословная Гоголя... при ее проверке на основе исторических памятников рассыпается... К сожалению, эта героическая родословная, возводящая род Гоголя к сотоварищам Тараса Бульбы – мифическая. Это генеалогический роман, сочиненный довольно неискусно дедом Гоголя <...> Родословная будущего великого писателя **без сомнения** начинается со священника Яна Яновского... Но героическая романтическая генеалогия, в начале которой стоит полковник Остап Гоголь, – генеалогия фантастическая. Верил ли ей Гоголь в юности, мы не знаем, но характерно, что в его украинских рассказах и в его письмах никаких упоминаний о ней нет» [Чижевский, 2009, с. 255, 259; шрифт изменен автором].

Поэтому говорить можно только о *предположительном* родстве Яновских с Гоголями, о *предположительном* отражении в образе Тараса Бульбы (и других героев), в обстоятельствах жизни его и его семьи *некоторых* черт Евстафия Гоголя и его сыновей, их семейных отношений. Можно также полагать, что имена Остапа и Андрия Гоголь посчитал родовыми, когда сопоставил Дворянскую грамоту с историческими источниками [Лазаревский, 1902, с. 8]. Но обстоятельства ее появления в 1784 г. таковы, что если бы А.Д.

¹ Сравните: в интерпретации Л. Стилмана картина героической «мученической смерти» Бульбы стала своего рода «патриотическим искуплением» автора за измену, совершенную Е. Гоголем как его «прародителем» [Stilman, 1966, p. 823].

Гоголь не подтвердил, как другие украинские дворяне, «шляхетного» происхождения, то поместье – приданое его жены Татьяны, единственной дочери именитых Лизогубов, – могло затем отойти государству или перейти в другие руки (как было с имением тестя!), а не единственному сыну Яновских Василию, в чью честь было названо. Служба Афанасия Демьяновича в гетманской канцелярии давала навык «обработки» нужных документов, да и подобные примеры он, наверняка, знал... А внук его всё это, несомненно, учитывал.

Таким образом, поиски *единого прототипа* Бульбы надо признать некорректными, даже исходя из представленных в этом образе антиномичных литературно-исторических черт. Под стать герою – таким же «синтетическим», как показано выше, – было противоречивое единство времени действия. Именно это обстоятельство ставило и ставит в тупик некоторых исследователей, которые говорят о нарочитой запутанности датировки и вообще об отказе от нее, объясняя это неким пренебрежением к датам или же... невнимательностью: «Гоголь легко сбивался в хронологии даже на целое столетие (то же в “Тарасе Бульбе”, где то 15-й, то 16-й, то 17-й век)...» [Гиппиус, 1994, с. 61]. Однако Гоголь-историк на основании дат составлял сложные синхронистические таблицы [Лонгинов, 1952, с. 72], преподавал и, по долгу службы, требовал знания хронологии от учениц Патриотического института, а затем от студентов Санкт-Петербургского университета. Заметим: все указанные выше даты истории Малороссии были тогда общеизвестны и осмысливались авторами исторических романов вполне адекватно. А если Гоголь в своих исторических произведениях смешивал те же даты, то, надо понимать, он обосновывал это иным принципом периодизации, передавая *структуру эпохи* соответственно другим художественным образам.

Так, в черновой ред. повести всё действие было датировано **XV в.** – концом Средневековья. Однако в первой печатной ред. «жестоким веком» очевидно названо противоречивое единство XV-XVII веков как **мифологическое время украинского**

Средневековья¹, поскольку это эпоха относительно самостоятельного существования козацкого сообщества. А Хмельнитчина – самый яркий, но заключительный **период** этой эпохи, когда Козачество победило и стало «опорой и силой» государства. Таким же изображен данный **период** в повести О.М. Сомова «Гайдамак» (1828): после песен бандуриста слушатели вспоминали «старую Гетманщину, времена Хмельницкого, времена истинно героические, когда развившаяся жизнь народа была в полном соку своем, когда закаленные в боях и выросшие на ратном поле казаки бодро и весело бились с многочисленными и разноплеменными врагами и всех их победили; когда Малороссия почувствовала сладость свободы и самобытности народной и сбросила с себя иго вероломного утеснителя, обещавшего ей равенство прав, но тяжким опытом доказавшего, что горе покоренным!» [Сомов, 1989, с. 183-184].

В своей повести Гоголь обозначает и два предшествующих **периода** той эпохи — какими они остались в памяти народа:

1) **время** «за короля Степана» – 1570-е годы, которыми принципиально ограничено историческое повествование автора (тогда король Стефан Баторий признал казаков серьезной военной силой и сформировал из них регулярное войско);

2) **время** религиозно-освободительной войны с поляками после Брестской унии 1596 г., когда чаша народного «герпения уже переполнилась» (II, 349). По многим источникам известны два самых больших козацко-крестьянских восстания под предводительством гетманов Наливайко и Острицы, которые затем попали в руки поляков и погибли за Веру, подобно св. Георгию и великомученику Евстафию. В предшествующих исторических фрагментах Гоголь контаминировал *образы двух гетманов* [Денисов, 2016, с. 36-37], в повести же представлено относительно **единым** и *время двух восстаний*. Оно должно восприниматься и как *время завершения жизни* заглавного героя (он, подобно Козачеству в тот период,

¹ По мысли Вс. Сечкарева, Гоголь «обобщает и символизирует» время освободительной войны против Польши в XVI-XVII веках [Setchkarev, 1965, p. 141].

терпит поражение и погибает), но смерть героя и его сыновей представляется искупительной жертвой во имя будущей победы Хмельнитчины, указания на которую также даны в тексте.

Там сказано, что сыновья Бульбы учились в киевской академии или семинарии, хотя до 1689 г. это знаменитое учебное заведение, основанное Петром Могилой в 1632 г., называлось Киево-Могилянской коллегией. Данная «ошибка» ярко иллюстрирует авторский принцип сближения времен: учившиеся позднее в Академии дед и прадед Гоголя называли ее именно так, но лишь в 1817–1819 годах, в пору преобразований, это духовное заведение временно именовали Киевской семинарией. Далее сказано, что сыновья Бульбы учились, когда воеводой Киева был Адам Кисель (1649–1652), который вел переговоры с Хмельницким от имени польского правительства. Лишь в эту эпоху стал принципиально возможен поход на Польшу (раньше казаки связывали с ней определенные политические ожидания и экономические интересы). Тогда же казаки осаждали г. Дубно, чье несколько схематичное изображение как некоего «средневекового города» говорит о том, что автор ориентировался на подобные описания и учитывал репутацию Дубенского замка, никогда не взятого осаждавшими, в том числе козаками, о чем свидетельствовали летописи. Используемые в повести записки военного инженера Г. де Боплана «Описание Украины» охватывали период его службы в польской армии с 1631 г. и до начала Хмельнитчины в 1648 г. Еще одно видимое противоречие: *Гетманщиной* (как в повести) стали называли Левобережную Украину только после Хмельнитчины. Но автор привел это наименование в более широком – и пространственном, и временном – историко-художественном плане: по определению М.А. Максимовича, «**Гетьманщиною** называлась Украина от своих вождей, кои именовались **гетьманами**, по примеру вождей литовских, называвшихся *гетманами*, *гедманами* или *гедиманами*, вероятно по имени славного *Гедимина*» [Максимович, 1834, с. 20; шрифт изменен автором].

В историко-художественном плане изображены и силы, противостоявшие Козачеству. Так, польских солдат представляет коварный бестиальный гайдук, управляет ими французский инженер-

артиллерист (рука Запада), а возглавляет не воевода и не король, чье влияние здесь показано относительным, и не упомянутые в летописях военачальники. По мысли Гоголя, такой фигурой мог быть только пан Николай Потоцкий, кого король с 1646 г. пожизненно назначил великим коронным гетманом. Тот подавлял козацко-крестьянские восстания 1637-1638 годов (за что получил огромные поместья), противостоял козакам Хмельницкого в 1648 г., был пленен, выдан Крымскому хану, освобожден за большой выкуп, вновь возглавил войско в 1651 г. и, одержав победу над козаками, заключил с ними Белоцерковский договор. Его деятельность во многом отражает отношения польской шляхты и Козачества.

Сам Гоголь понимал путь Козачества как часть русской и мировой истории. И «явление» козаков после татаро-монгольского нашествия он датировал «концом XIII... началом XIV века» (VIII, с. 46; статья «Взгляд на составление Малороссии»), в повести же становление Козачества как воинства Православного и его появление на арене истории, по-видимому, относится к XV в. и связывается с падением Византии. А набеги козаков на черноморское побережье Малой Азии напоминают автору и морские завоевательные походы викингов (в Западной Европе их называли норманнами, на Руси – варягами) против христианских государств Северной Европы, и военные экспедиции древнерусских князей варяжского происхождения к христианскому Царьграду. Это подтверждено звучащими в повести (особенно в ее 2-й ред.) мотивами «бешеного веселья» в бою, посмертной славы, воздаяния в горнем мире – несомненно, близкими к языческим представлениям о войне и Валгалле у древних германцев [Вайскопф, 1993, с. 445], про которых в статье «О движении народов...» Гоголь писал: «Они жили и веселились одною войною. Они трепетали при звуке ее, как молодые, исполненные отваги тигры. Думали о том только, чтобы померяться силами и повеселиться битвой. Их мало занимала корысть или добыча. Блеснуть бы только подвигом, чтобы после пересказали его дело в песнях» (VIII, с. 120). Но – в отличие от древних германцев, викингов и воинов дохристианской Руси – козацкие «лыцари» борются с врагами христианства на захваченной «бусурменами»-язычниками земле Византии (подобные действия западные

христианские государства не предпринимали со времен Крестовых походов!). Разоряя турецкие прибрежные города¹, появляясь в 1624 и 1629 годах у стен Стамбула, а для козаков по-прежнему Царьграда, они мстили за гибель Византии, откуда на их родину пришло Православие. Ведь именно в Константинополе в 381 г. Вселенский собор принял Символ Веры, запечатлевший суть Православного вероучения. После разделения Римской империи в 395 г. этот город стал столицей Восточной Римской, а затем Византийской империи, где в IX-XI веках формировались богословские основы Православия. Во время Крестового похода 1202-1204 годов (откровенно направленного против Византии) столица была взята и разграблена католическими рыцарями-крестоносцами, что способствовало падению всего государства. Захваченный в 1453 г. город турки-османы стали называть Стамбулом (от тюрк. Исламбол – ‘государство мусульман’). Идея возвращения Царьграда питала «греческую» политику Российской империи: подобное завоевание означало бы торжество Православия и самой России, тогда как западноевропейские государства более трех веков не могли освободить от язычников бывшую христианскую столицу.

Эти исторические аллюзии в начале 1830-х годов были весьма актуальны. Русско-турецкая война 1828-1829 годов началась из-за поддержки Россией национально-освободительной борьбы греков-этеристов (их вождь Ипсиланти ранее был генералом русской службы, а первым президентом Греческой республики стал бывший российский дипломат граф Каподистрия). Сначала Франция и Англия поддерживали Россию в «греческом вопросе» против турок и Австрии. Но победы русской армии и ее продвижение на Балканы обозначили реальную перспективу разрушения Оттоманской империи, а затем объединения славянских православных и неправославных народов вокруг державы-победительницы, которая таким образом вышла бы в Средиземноморье. И когда ее армия стояла у ворот Стамбула, Англия, Франция и Австрия нейтрализовали дальнейшие усилия России, разрушив Священный

¹ С 1585 г. становятся «постоянны разезды козаков на Черном море» [Описание Украины, 1832, с. 137].

союз, заключенный христианскими европейскими государствами в 1815 г. Президент Каподистрия погиб в результате заговора. Запад также инспирировал, а затем поддержал Польское восстание 1830-1831 годов. И потому русское общество восприняло борьбу с польским мессианизмом как «священную войну» [Вайскопф, 1993, с. 441]. Этим и объясняется, почему в 1-й ред. повести «Тарас Бульба» славяне-католики фактически поставлены **ниже** «неверных» – турок, крымских татар, а также демонических персонажей – и почти не персонализированы в открытом единоборстве с козаками, как это будет во 2-й ред.

Таким образом, изображение ужасающих читателя картин той *эпохи* (свирепость и неистовство козаков, неприятие и уничтожение всего чуждого, казни невинных, «избиение младенцев», сыноубийство и под.) обусловлено историософскими взглядами писателя. Средние века, по мысли Гоголя, – это время жесточайшей борьбы христианства с язычеством, подобное *ветхозаветному*, и потому под «малороссийским Средневековьем» он понимает эпоху XV-XVII веков, когда православное Козачество боролось против магометанства, с одной стороны, а с другой – защищалось от католичества, униатства и протестантизма. На том пути были колебания, было предательство (такова измена Андрия, напоминающая *библейскую* историю обольщения Олоферна Иудифью, – см.: [Комментарии, 1994, с. 467]). Конец этому положило воссоединение с единоверцами, которое многие затем пытались подвергнуть ревизии, а то и разрушить. Попытка гетмана Мазепы разорвать славянский союз до сих пор осуждается церковью, однако это предательство не стало последним...

По Гоголю, «великая истина» состоит в том, что в истории «в общей массе всего человечества душа всегда торжествует над телом» (VIII, с. 24). Но если во времена Авраама человек во имя Веры разрывал связи с природой, свои кровные, семейные узы, то в конце Средневековья он уступает своей греховной природе (или чёрту). Переключка времен подчеркнута и тем, что евреи – мелкие торговцы в Сечи, арендаторы, жители варшавского гетто – носят библейские имена: *Шлема* и *Шмуль* – уменьшительные от имен легендарного царя Соломона и пророка Самуила, последнего судии

народа Израильского; *Янкель* – от Иакова, сына Исаака и Ревеки, которого Яхве впервые назвал Израилем после того, как испытал его силу и решимость¹; *Мардохай* – от героя Мардохея², благодаря которому и его племяннице Есфири, иудеи, находившиеся под властью царя Артаксеркса, были спасены от гибели и отомстили своим врагам. Показанные в повести потомки библейских героев живут мелкими, корыстными, в конечном счете – чужими интересами потому, что они лишены своей земли, основы естественной жизни народа, а изображение варшавского гетто, его обитателей и «внутренности» их домов напоминает картины «грязного ада» в «Энеиде» И.П. Котляревского. На этом фоне настоящими героями, подобными библейским (и такими же неистовыми, жестокими, кровожадными!), предстают малороссийские защитники православной Веры – Тарас и Остап Бульба и запорожцы, олицетворяющие Козачество.

Очевидно, типичность, символизм и «синтетичность» этих образов в «Тарасе Бульбе» обусловлены множеством исторических, мифологических и литературных связей. Это же определяет со- и противопоставление типов: **семья** Бульбы (Тарас – жена – сыновья Остап и Андрий) – **запорожцы** (отдельные козаки – их группы – кошевой) – **враги** («татарва», «ляхи», толпа и люди из толпы – панночка – ее брат – служанка татарка – французский инженер – усатый гайдук – палач и др.), чьи отношения характерны для того времени. И когда автор «высвечивает» какое-то лицо из массы – этот тип не имеет имени (пьяный, пляшущий, довбиш – «единица массы» в разной степени индивидуализации) или носит характерное, типизирующее имя (ср., прозвища запорожцев в сцене встречи с Бульбой как обозначения судьбы их носителей).

Все это, как и рассмотренная нами «синтетичность» мифологического времени повести, определяет ее близость к *эпопее*,

¹ Типаж Янкеля был позаимствован из «народной повести» Ф. Н. Глинки «Лука да Марья» (СПб., 1818); см. об этом подробнее: [Комментарии, 1994, с. 477-478].

² Кроме того, «в изображаемую... эпоху среди польских евреев... был наиболее известен Мардохай Яфа», глава синода раввинов четырех стран [Виноградов, 2009, с. 649].

которая понимается как правдивая героическая (по)весть (песнь, дума) о самых важных, переломных, батальных моментах в жизни народа(-ов), решающих судьбу. Здесь картину народного прошлого создают герои-богатыри, что противодействуют чужому миру, дают отпор врагам (и потому независимы, строптивы, неистовы, даже демоничны). Исторические и мифологические истоки гоголевской эпопеи отчетливы: она близка преданию, волшебной сказке, рыцарскому роману, для нее характерны и патриархальные представления, когда общественные отношения изображены кровными, родовыми (козаки называют друг друга «братами», братья Остап и Андрий становятся врагами), а сама Запорожская Сечь видится обращенной в прошлое национальной и социальной утопией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ¹

Вайскопф, Михаил. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст / М.Я. Вайскопф. – Москва: Радикс, 1993. – 592 с.

Виноградов, И. А. Комментарии // Гоголь, Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-лит. и текстологич. коммент. / Изд. подготовил И. А. Виноградов. – Москва: Изд-во ИМЛИ РАН, 2009. – С. 385-656.

Гиппиус, В. Гоголь / В.В. Гиппиус // Гиппиус В. Гоголь. Зеньковский В. Н. В. Гоголь / Предисл., сост. Л. Аллена. – Санкт-Петербург: Логос, 1994. – С. 9-188.

[Гоголь, 1937-1952] Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч.: т. I-XIV / Н. В. Гоголь. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

[Денисов, 2016] Денисов, В. Д. О малороссийском историческом романе Н.В. Гоголя / В.Д. Денисов // Культура и текст. – 2016. – № 1 (24). – С. 30-49.

[Денисов, 2017] Денисов, В. Д. Козак Тарас и его сыновья / В.Д. Денисов // Культура и текст. – 2017. – № 1 (28). – С. 25-48.

¹ Список литературы публикуется в авторской редакции. *Прим. редактора.* – Г. К.

Звенияцковский, В. Я. Историческое ядро «Миргорода» в свете художественно-мифологических установок – первой трети XX вв. и документированной истории Украины. «Тарас Бульба» и «История русов» / В.Я. Звенияцковский // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. – Вып. 2. – Москва: Изд-во ИМЛИ РАН, 2009. – С. 289-307.

Звенияцковский, В. Я. Справжній Гоголь: який він і хто він? (Настоящий Гоголь: какой он и кто он?) / В.Я. Звенияцковский // Гоголь, М. Вечори на хуторі біля Диканьки. Миргород / Сост., автор ст. и примеч. В. Я. Звенияцковский. – Київ: Либідь, 2008. – С. 449-484.

[Комментарии] Воропаев, В. А., Виноградов, И. А. Комментарии // Гоголь, Н. В. Собр. соч.: в 9 т. / Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. – Москва: Русская книга, 1994. – Т. 1/2. – С. 405-491.

Лазаревский, А. М. Сведения о предках Гоголя / А. М. Лазаревский // Памяти Гоголя: Научно-лит. сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца. – Киев, 1902. – С. 3-12.

Лонгинов, М. Н. Воспоминание о Гоголе / М. Н. Лонгинов // Гоголь в воспоминаниях современников. – Москва: ГИХЛ, 1952. (Серия лит. мемуаров). – С. 70-74.

[Максимович, 1834] Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем / М. А. Максимович. – Москва: Универ. тип., 1834. – 180 с.

Манн, Ю. В. «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н. В. Гоголя. 1809-1835 гг. / Ю. В. Манн. – Москва: МИРОС, 1994. – 472 с.

Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. – Москва: Изд-во РГГУ, 1994. – 136 с.

Описание Украины, соч. Боплана / Г. де Боплан; пер. с фр. Ф. Устрялов. – Санкт-Петербург: Тип. К. Крайя, 1832. – 179 с.

Родословие Н. В. Гоголя: Статьи и материалы. – Москва: АНО «Фестпартнер», 2009. – 336 с.

Сомов, О. Гайдамак. Малороссийская бэль / О.М. Сомов // Русские альманахи: Страницы прозы / Сост., автор вступ. ст. и примеч. В. И. Корвин. – Москва: Современник, 1989. – С. 176-190.

Чижевский, Д. Две родословных Гоголя / Д. И. Чижевский // Родословие Н.В. Гоголя: статьи и материалы. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 253-259.

Чухлиб, Тарас. Прототип гоголевского Тараса Бульбы – далекий предок писателя, гетман Остап Гоголь / Т. В. Чухлиб // Зеркало недели (Киев). – 2002. – № 28 (403); перепеч. в изд.: **Чухлиб, Т.** Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи (1663 – 1713). – Київ, 2004.

Setchkarev, Vs. Gogol: His Life and Works / Vs. Setchkarev. – New York, 1965.

Stilman, Leon. Nikolaj Gogol und Ostap Hohol / L. Stilman // Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. – Muni, 1966. – S. 811-825.

Е.И. Кулаковская¹

Алтайская академия экономики и права

«ПО ИМЕНИ И ЖИЗНЬ»: ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА В РАССКАЗЕ Б.ЕВСЕЕВА «БОРИСЛАВ»

В статье автор рассматривает онтологическую схему рассказа «Борислав» Б. Евсеева. В ходе онтологического анализа выявляется взаимосвязь имени и судьбы героев, тайное значение имён, открывается в неожиданных эпизодах образная и ассоциативная сторона процесса взросления. В тексте имена (Авиахим, Борислав, Ника) контекстуально объединяются и взаимодействуют в пределах единой темы «силы имени» и темы полёта.

В прозе Б. Евсеева имена героев чаще диктуются общим замыслом, а не своеволием автора. Ономастическая система Б. Евсеева – это, прежде всего, пространство «силового» поля собственных имен.

Ключевые слова: имя, судьба, сила, онтологическая поэтика, звук, смысл, детство, мама, язычество, христианство.

¹ Евгения Ивановна Кулаковская, выпускница аспирантуры АлтГПУ (Барнаул)